

Кино для нас — самое божественное...

Художник-постановщик фильмов Тарковского со съемочной площадки ушел в священники

Настоятель храма Вознесения отец Иоанн в селе Охотине известен как иконописец, авто-слесарь, плотник, каменщик и печник.

— Стало быть, и большую русскую печь в храме тоже сами клали?

— Раз уже звездолет строил, то печку — сам Бог велел, — добродушно улыбается он, оставая случайного собеседника наедине с неразрешимой загадкой о причастности седовласого иерея к строительству космической техники.

— Ладно, Господь с тобой, — наконец сдается священник, — это было не в конструкторском бюро Королева, а в павильоне «Мосфильма». На «Солярисе» я был у Тарковского художником-декоратором, вот тогда-то и пришлось заниматься созданием звездолета. А на «Сталкер» Андрей пригласил меня художником-постановщиком. И к концу первой части этой картины я уже наверняка знал, что мой грядущий путь — служение Господу...

В миру его называли Свято-славом Гавриловым. В шестидесятом году молодой выпускник художественного училища поступил в Троице-Сергиевскую духовную семинарию и успешно сдал вступительные экзамены, но партия и правительство в это время позели решительную борьбу за полное очищение советских людей от религиозного дурмана. Никита Сергеевич с высокой трибуны возвестил, что священники нам скоро будут без надобности. И точно — подручные партии в строгих серых костюмах, нагрянувшие к удачливому абитуриенту, пообещали «небо в клетку» за нарушение партийных планов в области идеологии. Правда, они же организовали добровольно-принудительное трудоустройство Славы Гаврилова художником-живописцем на «Мосфильм».

За двадцать лет своей работы в кино он участвовал в постановке трех десятков фильмов, работал с Ипполитом Новодержкиным в «Оптимистической трагедии» и Юрием Озеровым в эпопее «Освобождение».

Но три картины, которые он делал с Тарковским, стали для него больше, чем кино. Знакомство с Андреем Арсеньевичем состоялось накануне съемок «Рублева», к которому Святослав Гаврилов расписывал копию храма.

— Мы общались с Андреем при помощи особого духовного канала связи. Бывало, за целый день работы обменивались двумя-тремя фразами, но понимали друг друга так, будто это был непрерывный многочасовой диалог... Помнишь, Рублев дал обет безмолвия и три года кряду следовал ему? В этом — великое таинство постижения духовных основ мироздания. Андрей сполна обладал даром тайновидения, духовного зрения. Он наперед знал о том, что будет. В Крыму, во время выбора натур для съемок «Соляриса», он предсказал свою скорую кончину на чужбине...

В скромной крестьянской избе на рабочем столе отца Иоанна по соседству с иконами и фотографиями почтенных старцев — снимок режиссера Тарковского, подаренный на память художнику Гаврилову. Преподобный Иоанн Златоуст запрещал христианам ходить в театры, считая светское искусство греховным соблазном. Отец же Иоанн укрепил в себе веру, занимаясь «важнейшим из всех искусств».

— А премия Ватикана за «Солярис»? — приводит он свои доводы. — А вердикты партийных цензоров о религиозном мистицизме картин Тарковского? Андрей был глубоко верующим человеком, и не случайно в фильмах его присутствует духовное, космическое начало. Это тот самый знак свящине, который приводит к отмеченным Богом. «Всевышний напутствовал: «Без меня не можете творить ничегоже...».

Гаврилова благословил на служение православной вере архимандрит Рижской пустыни Таврион. Он ушел прямо со съемочной площадки «Сталкера» в лоно церкви, и Тарковский понял его без слов, но заканчивал картину в одиночку, без нового сопостановщика.

Кино иногда вторгается в его тихую монашескую жизнь в глухом приволжском селении. Пару лет назад в здешних местах американцы снимали фильм о русской провинции. Прослышав о второй профессии отца Иоанна, пригласили его консультантом продюсера. Но от мирской суеты он отвык, а вот окрестить голливудских актеров Джейн Квигли и Эдди Альберта в своем храме согласился.

А совсем недавно директор одной из столичных киностудий пригласил его штатным художником — за полторы тысячи долларов в месяц. Отец Иоанн предпочел служение Господу и двадцать пять тысяч рублей иерейского оклада.

Третий год он собственноручно восстанавливает полуразрушенный храм на берегу Волги и расписывает иконостас красками, присланными в дар от голландских кинематографистов. Пять раз двери храма Вознесения взламывали злоумышленники и уносили написанные им иконы. И всякий раз — к вящему изумлению следователей местного райцентра Мышкин — пропажа обнаруживалась и возвращалась в храм.

В перерывах между молитвами отец Иоанн садится за руль своего потрепанного «газика» и едет на колхозное поле — пособить местному охотинскому хозяйству в уборке урожая картофеля. Натуроплата же идет в обмен на стройматериалы для храма. В подвижничестве отца Иоанна обещали поддержать губернатор Ярославской области Анатолий Лисицин и российско-итальянское религиозное общество «Альпы-Волга». Гостивших у него итальянцев охотинский священник просил положить букетик цветов на парижском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа: Андрею Тарковскому из России, от отца Иоанна, с любовью...

Дмитрий СЕВРЮКОВ.
(Наш корр.).

Ярославская область.
Фото Александра
ЗАСЕДАТЕЛЕВА.

